

— Уильям, просыпайся, — слышу я спросонья голос Гермионы.

— Ммм, не сейчас, — тыкаюсь носом в мягкую, дивно благоухающую подушку и сжимаю веки крепче.

— Ой-ой, не так грубо! — умоляет она. — Это мои волосы!

Слова заставляют мои глаза резко открыться. Сажусь и оглядываюсь в замешательстве.

— Что-а...

— Мы, э, заснули в общей комнате, — говорит Гарри.

Очевидно, что мы просто откинулись назад на глубоком диване около камина. Шея затекла просто смертельно.

— Поправка — это вы, ребята, заснули и обслюнявили мне волосы и плечо.

— Уй, звиняй, Гермиона, — говорю, давая зевок. — Ты ж, наверное, измучилась с нами? Пнуть меня надо было.

— Ладно, уже неважно, — легкий румянец сопровождает её слова. — Я сама задрёмывала несколько раз. Ты прислонился к моей голове, а Гарри уснул у меня на плече.

— Упс. Извини, что заграбастал её волосы, Гарри. А я-то всё думал — странно, как это моя подушка может так здорово пахнуть.

— Не думаю, что он в обиде хоть чуток, — говорит Гермиона, глянув на Гарри, который краснеет до корней волос. — Его голова ещё минуту назад отдыхала на моей левой груди.

— Отлично сыграно, Гарри, продолжай в том же духе, — гавкаю я вместе со смехом, но тут же отвлекаюсь на основательное растирание и растягивание шеи, чтобы убрать окоченение. Но всё равно болезненная напряжённость в ней остаётся.

— Тебе самому стоило положить руку на правую, она бы позволила, — наконец-то Гарри включается в обмен остротами, пусть и делает это с глупейшей ухмылкой.

— Мысль хорошая, но поезд уже ушёл, — преувеличенно вздыхаю.

— Ммм, — раздумывает Гермиона, постукивая пальчиком по губам. — Может и нет. — Мгновенье, и её рука лежит у меня на груди. Гарри заходится в хохоте, к нему присоединяюсь

я, едва очнувшись от обалдения, и сразу за мной — Гермиона.

— Ты теперь знаешь, что дальше, Уильям, — говорит она. — Будет честно тебе завершить круг.

— Ладно, давай сюда, Гарри, — разминаю я руки. — Левая или правая?

После совместного смеха, наши ухмылки друг другу становятся благодарными улыбками. Невысказанное послание ясно для всех: лечение было необходимо, а теперь у нас работа, которую тоже надо делать.

Мы расстаёмся принять душ, чтобы потом отправиться в выручай-комнату и обсудить эту работу. Душ действует потрясающе на мою страдающую шею, поэтому я балую себя более долгим, чем обычно, сеансом отмокания. Также удивительным образом проявляются мозги, и теперь, когда они знают про первое задание, я могу выдать им мой план. Основную часть естественно, поскольку они не знают про золотое яйцо. Когда я окончательно одеваюсь и отправляюсь вниз, Гарри и Гермиона уже ждут меня в гостиной.

Оставив за спиной портрет, мы принимаем наш обычный порядок для прогулок — Гарри слева держит левую ладонь Гермионы, а я справа поддерживаю её под локоток. Есть что-то неестественное, когда я ощущаю себя не в своей тарелке, если мы идём по-другому. Прodelываем всю дорогу в молчаливом единодушии, остановившись только полюбоваться видом раннего утра из коридора седьмого этажа.

— Что собирался сказать Сириус, когда Рон спустился и заставил его уйти? — риторически спрашивает Гермиона, открывая дверь в придуманную ей комнату — маленькую библиотеку с уютным салоном, как обычно.

Быстрый переход Гермионы к событиям предыдущей ночи портит Гарри настроение. Даже без наших, промытых вчера косточек, поведение Рона сильно давит на него.

— Вспомни про “Ничто”, если нужно, — тихо предлагаю ему. Гарри кивает и закрывает глаза. Гермиона тоже улавливает его угрюмое настроение, и мы оба подключаемся к процессу.

— Он особенно подчеркнул “простое заклинание”, но это совершенно не сужает нам выбор, — указывает первый вопрос для обсуждения Гарри после нескольких минут паузы.

— Да, и простой — тоже весьма относительное слово, — добавляет масла в огонь Гермиона. — Огромное количество заклинаний просты для Дамблдора, но просты для первокурсника очень немногие из них.

— Возможно, Сириус это учитывал, Гермиона, — защищает крёстного Гарри.

— А что ты думаешь, Уильям? — покусав губу, она обращает внимание на меня. И тут же

пронзительность её взгляда набирает силу. — Ты явно что-то знаешь.

Ощуаю своё запылавшее лицо, поэтому нет смысла скрывать.

— Чешуйчатая шкура дракона практически не поддаётся воздействию заклинаний от одинокого волшебника... — говорю не торопясь и давая возможность Гермионе самой заполнить лакуны.

— Да, и? Давай, не оставляй нас в подвешенном состоянии! — то ли её не цепляет, то ли она сознательно игнорирует мои намёки.

— ... но некоторые его части ею не прикрыты, — заканчиваю.

— Конечно! — наконец просекает она. — У него есть слабые места. Глаза, в первую очередь, нос, рот. Можно повредить крылья сильным режущим заклинанием, но это если хочешь разозлить. Итак, что Гарри может использовать?

— А что я? — стараюсь звучать поневиннее.

— Ты знаешь, — разъясняет очевидное Гермиона. — Я говорила, что вижу теперь тебя насквозь. — Ну да, для неё очевидно.

— Возможно, — вздыхаю. — Есть проклятье Конъюнктивис, например.

— Не слышала про такое...

— Не удивлён, иначе ты уже давно упомянула бы его, — надеюсь, что моя улыбка выглядит обнадёживающе. — Но всё равно можно этим только разозлить, если попасть неточно. Я вот что думаю, Гарри. Призываешь свою Молнию, трансфигурируешь что-то отвлекающее, долбишь чем-то искажающим зрение, чтобы невозможно было понять — что есть что, и на полной скорости подхватываешь...ся мимо, чтобы сделать, что там Чарли имел в виду. — Я почти упомянул яйцо. Значит — педаль газа в пол. — Вдобавок тебе надо потренироваться делать сильный щит на случай удачного огненного плевка, или там пламезаморозку, или охлаждающее, или создание воды, если щит не помогает. Может мы сможем вычислить, что там Чарли имел в виду под гасящим заклинанием? Не уверен, что сработает, но можешь попробовать сверхсильное отбрасывающее заклинание на случай, если не сможешь уклониться от летящего на тебя хвоста или что-то подобное. Уф.

— К-как ты додумался до этого всего? — быстро очухивается от офигевания Гермиона.

— А мы разве не согласились в последний раз, что моё второе имя — “Атпадон”?

— Унаследованное тобой знание? — игнорирует она мой ответ.

— Это справедливое утверждение.

Гермиона поднимает бровь на мой выбор слов, но решает не уточнять.

— Я не слишком уверен насчёт трансфигурации обманок, — говорит Гарри. — Но я помню заклинание, которое использовал Оливандер для проверки моей палочки — “Авис”, которое сотворило несколько птичек. Может мне его попробовать?

— Там было движение палочкой? — спрашивает Гермиона и, получив отрицательный ответ, поднимает свою. — Авис. — Две ярко-жёлтые канарейки вылетают из её палочки с громким хлопком. — Хорошая идея, Гарри! Мы попрактикуем это сегодня. — Она хихикает, на поведение птичек, который щебечут как ненормальные, выписывая круги вокруг её головы. — Похоже у тебя неплохой шанс выйти сухим из воды.

Не ожидавший такого успеха Гарри задумывается. Чёткий план действий несомненно успокаивает его, как и Гермиону.

— Тебе стоит предупредить Седрика, — говорю.

— Что? — удивляется Гермиона.

— Он прав, Гермиона. Абсолютно уверен, что мадам Максим скажет Флер, а Каркаров — Краму. Будет несправедливо для Седрика.

— Вы правы, оба. Неожиданно только. Мне просто в голову не пришло.

— Но ведь собиралось? — выдаю наилучшую попытку загадочной улыбки. — Ты знаешь, я вижу теперь тебя насквозь. Могу точно предсказать, что ты будешь делать. Вот сейчас ты готова спорить, что я не могу, а потом собираешься прожечь меня взглядом.

На каждую реплику Гермиона закрывает рот и старается прожечь меня взглядом. С удовольствием смеюсь над сценой, и Гарри вскоре присоединяется.

— Ух ты, впечатляет!

— Конечно, среди магглов выглядит гораздо забавнее, без всей этой легилименции. Тут это не такой уж сильно впечатляющий трюк.

— Вот-вот, именно здесь не очень, — обиженно сопит Гермиона.

— Ну, не знаю. Было мило и необычно, ещё и правдой оказалось. Может, я упустил своё призвание к предсказаниям?

— Итак, Седрик? — Гермиона снова старательно игнорирует моё существование.

— Давай перехватим его за завтраком, — предлагает Гарри. — Таким образом у него будет столько же времени, как и у всех нас.

Меня так и подмывает сделать “предсказание” о том, что будет делать Седрик на задании. Как бы под видом проснувшейся к ним склонности. Хотя, если честно, не пойму, ну как трансфигурация одиночного камня в собаку поможет отвлечь дракона на достаточное время для изъятия яйца из кладки? Может он придумает что-то более правдоподобное, на мой взгляд.

* * *

После нашей утренней пробежки я с удивлением вижу сидящую на свежем воздухе Дафну с теми, в ком я сразу распознаю Трейси Дэвис и Блейза Забини. Я сворачиваю к ним и слегка удивляюсь, что остальные следуют за мной. Мы некоторое палимся друг на друга в напряжённой тишине. Кроме Луны, конечно. Та счастливо мурлыкает и качается вперёд-назад с носков на пятки.

— Давай, Гарри, — Гермиона разрушает тишину. — Пошли тренироваться. Вы можете, Невилл? Луна?

Она хватает Гарри за руку и тянет прочь, а Невилл разрывается перед выбором.

— Иди, Невилл, — прошу я.

— Ты уверен?

— Конечно.

Он переминается, вопросительно глядя на трёх слизеринцев.

— Ладно, если ты так говоришь, — пожимает плечами и идёт прочь, но быстро вспоминает, что Луна никуда не ушла.

— Она симпатичная, Уильям, — склонив голову набок Луна смотрит на Дафну. — Тебе она нравится?

— Да, Луна. Нравится, — говорю гордо, чуть улыбаясь на лёгкий румянец Дафны. У Трейси глаза лезут из орбит, а у Блейза мрачнеет взгляд.

— Это хорошо. Уверена, что она мне тоже понравится. До свидания, Уильям, — Луна скачет вслед за Невиллом.

— И что это всё значило, Лернер? — угрожающе начинает Блейз.

— Мистер Забини, не так ли? Очевидно, вы слышали о Луне Лавгуд. Она говорит в точности то, что имеет в виду. Мы весьма приятно побеседовали с Дафной, и теперь мне хочется стать её другом. Нет никакого двойного дна.

— А зачем ей дружить с грязнокровкой? — выпаливает Трейси и, получив заметный тычок локтем от Дафны, вспыхивает от смущения.

— Мисс Дэвис, так? Я весьма надеюсь, что она нашла наше общение таким же занимательным, как и я. И не волнуйтесь, я совершенно не обижен на прозвище “грязнокровка”. Там, откуда я пришёл, чистота крови значит немного. К вашему, из всех слизеринцев, вящему удовольствию, мисс Дэвис, не так ли? — Так они заработают привычку держать глаза навывкате. Значит Трейси и вправду полукровка.

— Ты хорошо информирован, — цедит Блейз.

— Статус крови мисс Дэвис не слишком важен для меня, — отмахиваясь от сомнительного комплимента. — Мне гораздо интереснее украсть от вас Дафну на какое-то время и ещё раз пообщаться ко взаимному удовольствию, обменяться мыслями.

— Ты уверен, что попал на правильный факультет? — спрашивает Трейси. — А то разговариваешь как настоящий слизеринец.

— Уверяю вас, что это всего лишь игра на публику. Под этим гладким фасадом — сплошная бездумная храбрость и бессмысленный оптимизм.

Трейси хихикает на моё определение Гриффиндора, и даже на лицах Дафны и Блейза мелькают отсветы улыбок.

— Полагаю, что обязана сообразоваться и опустить себя до разговора с этим низшим существом, — с театральным вздохом вещает Дафна.

— Ваше великодушие не знает границ, миледи, — отвешиваю ей преувеличенный поклон и предлагаю руку. — Запятнаете ли вы вашу царственную ручку и даруете ли мне привилею помочь вам ощутить опору под вашими ногами?

Трейси снова хихикает и легонько подталкивает Дафну. Та протягивает мне руку, и я легко вытягиваю её в вертикальное положение.

— Мы будем за тобой следить, — За совершенно неслизеринскую прямолинейность Блейз заслуженно получает локтем от Трейси и закатывание глаз от Дафны.

— Со мной всё будет нормально, Блейз, — прямо отказывается она от его опеки.

— Полно те, барышни. Невместно леди без сопровожденья общаться с этим низшим существом. Ведь неизвестна вам двуличности в нас мера.

— Почему бы тебе не отрубить свой орган велеречивости, Уильям?

— Примите мои чистосердечные извинения, миледи. Моё зелье елейного формализма не выветрится ещё тридцать минут.

Она вынимает палочку и наставляет мне в грудь.

— Окей-окей, твоя взяла, — поднимаю руки вверх. Трейси смеётся вместе со мной.

— А ведь я почти поверила тебе про это зелье. Да ладно, Блейз, даже тебе стоит признать, что это было смешно. Иди уж, Даф, погуляй с ним.

— Ты произвёл на них впечатление, — говорит Дафна, когда мы удаляемся достаточно.

— На Трейси — возможно, однако Блейз в мою безвредность точно не верит.

— Он нас не остановил, — закатывает она глаза. — Это наивысшее признание, на которое ты мог сегодня рассчитывать.

— Вы двое?

— Вместе? Прошу тебя. У наших семей давний совместный бизнес поэтому я знаю его с детства. Но он слишком уж чопорный и задумчивый на мой вкус. Я думаю, что мой отец возможно запугал его давным давно, чтобы он берёг меня или как-то так. Но чтобы там ни было, порой он ведёт себя, как будто дал непреложный обет. И ещё ощущение, что он всё время под зельем елейного формализма.

— Тебе понравилось?

— Это было забавно.

— Ты не смеялась.

— Я почти... — слегка улыбается она.

Мы неспешно идём в тишине.

— Так какими мыслями ты желаешь обменяться? Очевидно, что ты не рискнул бы жизнью и здоровьем ради простого обмена любезностями.

— Я из Гриффиндора, — скажусь в ответ.

— Да, но ненормальный какой-то. Так о чём речь? Ближайшее задание?

— Не-а. Уже в ажуре.

— Ты уже вычислил, кто поместил имя Поттера в кубок?

Останавливаюсь и активирую чары уединения.

— Ты знаешь, что это не он сам?

— Я допускала, и ты только что подтвердил.

— Умно. Но разговор не об этом, я уже знаю, кто это, — я едва не спотыкаюсь, когда осознаю, что я только что сказал. — Хотя это секрет, конечно. Ты не можешь его никому рассказывать, включая Гарри и Гермиону.

— Это был ты, не так ли?

— Неожиданный вывод, — поднимаю бровь.

— Я заметила — ты не дотрагивался до своей палочки только что, когда наколдовал чары уединения, — торжествующе говорит Дафна. — И некоторые другие слизеринцы уже рассматривают возможность, что это мог быть ты, после твоей маленькой демонстрации щита. Даже без учёта бомбочки у вас в гостиной. Ходят слухи, что беспалочковой, а?

— Среди судачащих есть симпатичные девушки?

— Некоторое количество, — насмешничает она.

— Хмм, придётся приглашать их погулять, чтобы изумить их моей аурой тайны и природным обаянием. Слышал, что дамы клюют на такой вот подход.

— Может глупышки какие.

— Ты пришли список на проверку их умственных способностей.

Тут её лицо приобретает выражение “Ща я тебя колдану особо жестоким способом”. Хмыкнув, мотаю головой.

— Не прошло. Я рассматривал возможность — я кубок имею в виду — просто узнать, смогу ли я преодолеть возрастную черту. Было пара идей. Но нет, это не я. Тот, кто сделал это, хочет Гарри смерти.

— Чрезвычайно сужает круг подозреваемых, — саркастически замечает Дафна. Смотрю на неё вопросительно, но потом вспоминаю, что уже выдал ей, что знаю, кто стоит за всем этим. И она всё равно будет строить догадки независимо от.

— Это был агент того, кто больше всех желает ему смерти.

— Кто это? — изумлена она. Я останавливаюсь, пока не соображаю, что её интересует имя агента.

— Не могу сказать. И это не наиболее подозрительные персонажи. Ты уже знаешь, что Снейп и директор Дурмштранга Каркаров — Упивающиеся Смертью?

— Зачем ты всё время делишься со мной опасными сведениями? Хочешь, чтобы меня убили?

— Нет, — говорю серьёзно. — Эта информация не слишком важна. Я почти уверен, что она есть в общедоступных документах, хотя и не является всеобщим знанием. Я просто грубо льщу тебе, тренируя на вкусных сплетнях, прежде чем выставить действительно сложную проблему.

— Я уже сказала тебе, Лернер, что я в игре. Нет необходимости “грубо льстить мне”, как ты говоришь.

— Есть, как это ни удивительно, — вздыхаю. — Мне нужно, чтобы я тебе нравился и ты мне доверяла.

— Не надо снова этой ерунды, — старается она звучать как можно глумливей.

— Это не ерунда. Сюда вовлечена информация, которая мне не принадлежит и которой у меня не должно было быть. Гораздо более опасная, чем история происхождения Тома Риддла младшего.

— А вот в это уже не верится.

Несколько секунд я изучаю её вызывающий взгляд.

— Что тебе известно о тёмных ритуалах или заклинаниях, могущих даровать вариант бессмертия использующему их?

— Чёрт побери, Лернер! — ей перехватывает горло, и слова не слишком внятны.

— Каким иначе образом он всё ещё существует, поймав отражённое от Гарри смертельное проклятье?

— Это я знаю, — огрызается она. — Ты подразумеваешь, что тебе известно, что он сделал для этого!

— Знаю. И надеялся, что и ты знаешь.

— Я не знаю, и знать не желаю, — мотает она головой.

— Пусть так. Просто это делает мою задачу слегка труднее. Я уже настроил Гермиону на особое задание. Может быть нам повезёт, тогда тебе не придётся участвовать. Но у Гермионы и у меня... очевидно, наши возможности весьма ограничены. Я надеялся привлечь волшебную семью, в которой может быть скрытое знание о подобных... казусах. — Я не упоминаю, что уже рекрутировал Сириуса на подобный же сбор информации, поскольку Блэки скорее, чем все остальные оставили бы подобное знание у себя. Ведь не от Волдеморта же получил своё знание о крестраже Регулус Блэк?

— А поскольку я на Слизерине, ты решил, что моя семья может подобным знанием обладать, — сверкает она глазами, сложив руки на груди.

— Стереотип, конечно. Но попробовать-то стоит, — пожимаю плечами.

— Я... — гнев её угасает со вздохом. — Я не знаю, смогу ли помочь с этим, — она качает головой. — Мне нужно обдумать. Такая информация.

— Знаю. Тебе придётся смотреть самой. Это не то, о чём можно отправить сову домой. Независимо от того, какие чары и шифры ты используешь для безопасности. Ты же не собираешься рассказать отцу?

— Конечно, нет, — отвечает она, бросив острый взгляд, как будто я серьёзно оскорбил её. — И ты ещё говоришь, что это не главная проблема? Цирцея милостивица, Лернер, во что ты меня втягиваешь? А во что ты себя уже втянул? Кто этот агент?

— Пока я придержу это у себя, — говорю с досадой в душе, что позволил себе такую обмолвку.
— По сути то, что ты знаешь, останется между нами.

— Я знаю, Лернер, — рычит она.

— Да ладно, я просто хочу убедиться, — держу руки в умиротворяющем жесте. — В любом случае, он безвреден, пока не устроит ловушку для Гарри, и пока что он не готов.

— Как ты можешь это всё знать, не будучи соучастником?

— Мистер Забини уже сказал — я хорошо информирован. Всё так, как я сказал, но я же не могу позволить тебе выведать все мои тайны. Тогда бы ты не считала меня таким обходительным.

Она с раздражением фыркает.

— Ты ужас, что за человек, знаешь об этом? Как ты можешь разговаривать о серьёзных вещах и тут же перескакивать на флирт?

— Помогает держать рассудок в здравом состоянии. И потом я наслаждаюсь выражением твоего лица, когда ты разочаровываешься. Да-да, именно вот таким “я тебя сейчас колдану, и больно” лицом, какое сейчас у тебя. — Она тут же натягивает маску безразличия.

— Не для твоего удовольствия, знаешь ли.

— Знаю, но я всё равно люблюсь. Не так сильно, как тем искренним смехом, который ты подарила прошлый раз. Но его трудней добиться.

— Я смеялась над тобой, над нелепостью твоего поведения, — закатывает она глаза.

— Если ты так получаешь вдохновение для смеха, то можешь потешаться надо мной в любой момент.

Она сжимает губы, стараясь скрыть выражение, распознаваемое мной, как намёк на улыбку.

— Ты самый эксцентричный друг, который у меня когда-либо был.

— Так я теперь твой друг? — говорю возбуждённо.

— Ты как щенок, — коротко хохочет она. — Ты можешь считать меня другом, пока об этом никто не знает.

— Но ведь кто угодно может увидеть нашу прогулку.

— Верно. Может мне стоит оглушить тебя перед уходом? — задумчиво разглядывает она меня.
— Ну ты знаешь, просто создать впечатление.

— Тоже вариант, — смеюсь. — Тогда придётся настаивать получить взамен что-то адекватное.

— Я была бы осторожной в таких вот требованиях, — она строит губки бантиком и поднимает бровь.

— Да уж, предполагаю, что ты не поймёшь моего желания обнять и поцеловать. А твои друзья не ограничатся оглушалкой, если ты дашь мне пощёчину, — потираю подбородок. — Какие шансы на понижение тобой ставок до резкого разворота и разгневанного марша прочь?

— Бить или не бить? — спрашивает она после рычания при упоминании поцелуя.

— Предпочтительно не бить, у меня слабая терпимость к боли. Но меня можно убедить всего лишь за одно хорошее, крепкое объятие.

— Твоя цена неприемлема, — ворчит она.

— Очень хорошо, давай снижу запросы. Как насчёт твоего резкого разворота и разгневанного марша прочь, а я получаю искреннюю улыбку?

— Я могу резко развернуться и уйти прочь просто так, — резонно замечает она.

— Окей, а если так? Я становлюсь на колени и умоляю об улыбке, и тебе приходится развернуться и уйти. Ты сможешь рассказать одноклассникам, что я умолял тебя стать моим партнёром на Святочный бал, а ты сказала “нет”.

— Святочный бал? — тут же замирает она.

— Упс. Я опять обмолвился? — моя улыбка расплзается до ушей. — Он будет объявлен вскоре после первого задания. Я не могу пойти, а твой разрывающий сердце отказ будет для меня

отличной отмазкой.

— Так вот зачем сказали привозить парадные одежды, — от осознания у неё округляются глаза. Лицо уже болит, но улыбка клоуна — это моё всё. Она наконец усмехается. — Да-да, хорошо информирован, я помню.

— Ты бы пошла со мной, если бы я на самом деле попросил? — Она поднимает бровь. — Как друг, конечно, — тут же добавляю.

Она не меняет выражения, но становится ясно, что ей трудно скрыть улыбку.

— Не могу сказать, ведь ты не попросил.

— Мисс Гринграсс, вы кокетничаете со мной? — прикрываю я ладонью распахнувшийся в изумлении рот.

— Уверена, что не понимаю, о чём вы тут говорите. — Она испускает ослепительную, искреннюю улыбку, и, не в силах совладать с собой, я возвращаю её. Падаю на колени, сложив ладони в молитвенном жесте.

— Дафна, если бы я знал, что ты собираешься так приятно улыбнуться, то позволил бы тебе надавать мне пощёчин. Боюсь, что сделка стала нечестной для тебя.

— Ты сможешь доплатить потом. — Лицо у неё внезапно становится грозным, она разворачивается на пятках и сердито марширует обратно к Блейзу и Трейси.

* * *

— Ты выбрал правильный угол?

— Поймал, точно поймал. Ты уверен, что хочешь сохранить эту?

— Ты не пропустил начало, правда?

— Нет-нет, поймал. И в конце.

— Тогда идеально. Итак, что мне сделать для тебя взамен?

— Ну... тут первое задание близко...

* * *

— Ох, нет, Гарри! — причитает Гермиона когда видит четырёх драконов, предъявленных публике.

Наяву они гораздо страшнее, чем в фильме, не говорю уже о книгах. Я даже могу ощущать жар их дыхания, достигающий трибун. В чём-то даже приятно в такой холод.

— Уильям, ты знаешь каких видов эти драконы? — спрашивает она.

— А сама? Я за последние дни видел у тебя на руках минимум четыре книги по драконам.

— Ну, Уильям? Я смотрела только разделы по их особенностям. Всё искала, есть у них ещё какие неизвестные нам смертельные сюрпризы. А ты, зараза, точно обзор смотрел. Выкладывай!

— Ладно, но не помню точно названий. Валлийская зелёная — очевидно, вроде бы она самая приручаемая. Самая уродливая, с наибольшим числом усмирителей — венгерская хвосторога, самая неистовая из них. Пару остальных точно не помню. Может быть шведская коротконогая и китайский огненный шар. Или что-то типа того. Наверняка нам объявят.

Дрожь Гермионы только усиливается.

— Который, как ты думаешь, достанется Гарри?

— Дык, он же Гарри. Сама знаешь, что у него будет randevu с самым противным долбаным драконом на планете. Неважно, всё равно он надерёт этой твари задницу.

— Ты спокоен, — она смотрит на меня вопросительно.

— На самом деле я напуган, — спокойно поправляю её. — В противном случае я бы уже выдал шуточки три смущающих тебя комплимента.

— А знаешь, с тобой рядом это извращённо очевидно, — и вправду удивляется она. — Ох, я бы хотела ещё раз с Гарри поговорить.

— Если постараться, то протащить тебя тайком в палатку можно. Только зачем? Мы уже сделали всё, что могли. Ты же не хочешь дополнительно накрутить его из-за твоего волнения тоже? — она вздыхает и мотает головой. Подтягиваю её к своему боку и успокаивающе глажу ей руку. — Он прорвётся, как всегда.

— Хотелось бы быть такой уверенной, — продолжает стенать Гермиона. — Я себе волосы вырву.

— Можно мне прядку оставить?

— Уильям! Я думала ты напуган?

— Напуган. Я просто пытаюсь успокоить тебя своим обычным поведением.

Бесполезно. Гермиона не успокаивается. Она действительно рвёт себе волосы независимо от участника на арене. Сначала она кричит и прячет лицо у меня на плече, когда Седрика поджаривает его шведская коротконосая. Она даже орёт предупреждение Флер следить за потоком огня, который выпускает её зелёная уэльская во время храпа. Она оплакивает Крамовскую китайскую, которая прекращает стегать и осторожничать со своей кладкой, а потом впадает в ярость на укротителей, говоря, что лучше бы это были не настоящие яйца. Приходит очередь Гарри, и ей становится хуже.

— Ой! Мне страшно! Я не могу на это смотреть! Ой, Гарри!

— Гермиона, они ещё даже не объявили его имя.

— Заткнись! Ох, Уильям, у него точно наихудший дракон! Что нам делать?

— Ничего не изменилось. Ты видела остальных участников? Только Флер сделала что-то неожиданное для нас, но Гарри несомненно будет лучше Крама и Седрика.

— Ох, Уильям! Ты видел, что сделал дракон Крама? А если хвосторога тоже раздавит кладку? Нам надо его предупредить!

А вот это серьёзно. Каюсь, забыл я об этом. Может Гарри было бы лучше только на своей Молнии?

— Сейчас уже слишком поздно. Может Гарри сам решит, что ему не нужно проклятие Конъюнктивис. На самом деле у него очень сильные призывающие чары. А вдруг он может просто призвать Золотое яйцо?

— Сомневаюсь. Я спрашивала профессора Флитвика, когда мы их изучали. Он сказал, что на предмет можно наложить античары. Наверное они подумали об этом.

— Да, возможно. В любом случае, спасибо, что не стонешь моё имя в этот раз.

Она попёрхивается и бьёт меня по плечу, покраснев.

— Уильям! Будь серьёзнее!

— Мне жаль, но я просто стараюсь отвлечь тебя, и это наилучший известный мне способ. — Но есть эффективнее. — Хочешь, я свяжу тебя на время и подниму повыше, чтобы ты могла смотреть без потери волос? Ты даже Флер оплакивала, а ведь она тебе не нравится.

Она даже не осознаёт юмора, а на полном серьёзе с беспокойством спрашивает:

— А если я понадоблюсь ему?

— Не думаю, что ему нужна горсть вырванных волос. Пусть даже приятно пахнущих, — закатываю я глаза. — Ты не пройдёшь через барьеры, Гермiona. Встретим его сразу, как только он направится в палатку первой помощи, окей?

— Я знаю, что ты прав, Уильям. Я просто надеюсь, что...

— А теперь, — гремит голос Людо Бэгмена над толпой. — Ваш четвёртый и последний чемпион готовится выступить против наводящей ужас венгерской хвостороги! Приветствуйте на арене... ГАРРИ ПОТТЕР! — В четвёртый раз грохает пушка.

Рёв толпы заглушает испуганный крик Гермiony. Гарри, очевидно, ошарашен приёмом, быстро приходит в себя и выбрасывает палочку вверх. Слов нам не слышно. Гарри и хвосторога смотрят друг на друга с осторожностью, и никто не двигается, пока Молния не прилетает ему в руки. Гарри плавно взмывает вверх. От возбуждённого комментария Бэгмена толпа ревёт опять. У меня ощущение, что Гарри пробует выманить дракона на себя и подальше от кладки, но идея, очевидно, не срабатывает. Тогда он вынимает палочку и исполняет Авис несколько раз подряд, вызывая по три-четыре экземпляра весьма крупных малиновых птиц каждый раз. Как раз под цвет его чемпионского одеяния.

— Ура, Гарри!!! — не переставая вопит Гермiona.

Птицы донимают драконицу, летая быстрыми кругами вокруг головы. Той удаётся поджарить две или три, беспорядочно мечя сгустки пламени в разные стороны. Но Гарри тут же заменяет их дюжиной новых. Окончательно рассердившись, драконица поднимается на задние лапы и взмахами крыльев пытается откинуть птиц. Ей удаётся вихрями загнать в струю большинство стаи, и большой шар пламени вдогон избавляет её от половины надоед. Но она не замечает

нырка размазавшегося на такой скорости в пятно Гарри к гнезду, пока не становится слишком поздно. Спустя меньше чем через пять минут после выстрела герой приземляется перед медицинской палаткой, триумфально вздёрнув золотое яйцо над головой под восторженный рёв толпы.

Гермиона не ждёт меня, а просто срывается с места и, пользуясь своим мелким телосложением, ловко просачивается сквозь столпотворение народа. Вздыхаю и пытаюсь последовать её примеру, но из-за размера приходится поработать, чтобы избежать толчеи зрителей на моём пути. На краю одного из рядов нахожу бледного, как белый лист, Рона, практически вросшего в своё место, с глазами, прикованными к дракону. Хлопаю его по плечу и предлагаю следовать за мной. Невилл с Луной заметив Гермиону, а потом и меня с Роном, присоединяются, и мы всей компанией наконец оказываемся перед палаткой. Поднимаю руку, призывая всех остановиться.

— Мы же не хотим разгневаться Помфри, так? — Тут я просовываю внутрь руку и громко зову. — Гарри, Гермиона! Вы там как? В пристойном виде?

У Рона глаза лезут на лоб, Невилл нервно хихикает, а Луна задумчиво улыбается.

— Вползай внутрь, Уильям, гад такой! — отзывается Гермиона.

— Секунду, ребята. Надо убедиться, что они хотя бы накинут что-то из одежды. Да вы и сами знаете, как с Гермионой. — И ныряю за полог палатки, не проверяя их реакцию. Гарри сидит на краю лежанки вместе с пристроившейся рядом Гермионой, обхватившей его руками. — Замечательное представление, Гарри! Я беспокоился насчёт ослепляющего проклятья после того, что наделал Крам, и жутко рад, что ты без него справился.

— О, и про это рассказала Гермиона. Ты пропустил подробный репортаж с места событий. Два часа всего-то за тридцать секунд. Даже сквозь плач я уловил почти всё.

— Дурачок, — Гермиона даже не пробует шлёпнуть его.

— Я тут троицу верных клеветников по дороге прихватил, можно им войти, Гарри? — пальцем показываю на откидывающийся полог.

— Конечно, — пожимает он плечами.

— Окей, ребята. Мы все тут снова одеты, — громко обращаюсь к тем, кто снаружи. Гермиона пинает меня, но я отскакиваю со смехом. Невилл осторожно просовывает голову, и видно, как он успокаивается.

— Гарри! Это было невероятно!

Луна проскальзывает внутрь сразу после Невилла и встаёт слегка в сторонке, радостно улыбнувшись Гарри в качестве поздравления. А потом в своей обычной манере что-то напевает себе под нос, покачиваясь взад-вперёд.

— Я думала ты сказал трое, Уильям? — слегка успокаивается от волнения Гермиона.

И как бы ей в ответ в палатку осторожно заходит Рон. Улыбка Гарри испаряется, а я подмигиваю Гермионе.

— Салют, Гарри, — дрожащим голосом говорит Рон.

— Рон, — от ответа Гарри веет холодом.

— Те, кто положил твоё имя в кубок... я... я считаю пытаются тебя втянуть!

— Дошло, наконец? Долго же думал, — Гарри рассматривает смущённо покрасневшего Рона в его неуклюжей попытке извиниться. — Пусть так, ладно. Забыли.

— Нет, — говорит Рон, — я не должен был...

— Нет, ты не должен был бы. Но теперь ты должен понять, что по-старому не будет. Слишком... слишком многое изменилось, — Гарри крепче прижимает к себе Гермиону.

— Я знаю. Я много чего напортачил, так? Ну... Я знаю, что вы бегаєте по утрам. Мне хочется присоединиться к пробежкам, может даже помочь тренировать тебя, Гарри. Хотя после сегодняшнего даже дураку понятно, что моя помощь не нужна.

Мы, кроме Луны, конечно, ненадолго замолкаем. Рон и Невилл смущённо переминаются, мы с Гермионой переводим взгляды с Гарри на Рона и обратно, а Гарри смотрит в пол. Хлопаю в ладоши так, что все подпрыгивают.

— Эй, вы трое, обнимитесь! Давайте! — слегка подталкиваю Рона, а Гермиона подтягивает его. Луна дарит мне ослепительную улыбку, и мне в голову приходит идея. Встав между Луной и Невиллом, обхватываю их руками. Получается не слишком удобно, поскольку Невилл на пару дюймов ниже меня, а Луна — на целый фут. У Луны округляются глаза от неожиданности, и я шкодливо ей подмигиваю. — Окей, а ну харе эгоистично обниматься! — и толкаю двух моих компаньонов к остальным трём. Гермиона притворно визжит перед тем как я сплющиваю Невилла и Луну вместе и вдавливаю в остальную тройцу, едва не завалив всех кучей на кушетку сразу.

Гарри с Гермионой смеются, а Рону и Невиллу явно неловко. Луна зажимается, но потом закрывает глаза и “вплавливается” в Невилла и Гарри.

— Ух, э-это... у... — запинаяется Рон.

— Извини Рон, в следующий раз я постараюсь выкрасть ещё пару девушек, чтобы всё было “в плепорцию”. Я тут посоветовался сам с собой и решил, что сегодня Гарри надо сплющить между нашими девушками, ведь это он лицом к лицу встретился с драконом.

— А... логично... — говорит Рон.

— Мм, твои волосы замечательно пахнут, Луна, — хвалю я блондинку.

— Спасибо, Уильям, — отвечает она приглушённым голосом из клубка тел.

— О, нет! Луна! Беги, спасайся от него, пока ты можешь, пока не поздно вырваться тебе! — театральным голосом декламирует Гермиона.

От смеха Гарри с Гермионой вся группа начинает сотрясаться, но Невилл с Роном всё ещё тормозят и выглядят сбитыми с толку.

— Мистер Поттер? Что вы тут ещё делаете? — говорит мадам Помфри, выйдя из-за разделяющей палатку ширмы. — Выходите, вас сейчас будут оценивать.

Мы поодиночке выскребаемся из сидяче-лежащей кучи. Гермиона наконец-то отпускает Гарри и, встав, за руку поднимает его. Тот подхватывает яйцо, а Молнию выразительным кивком просит понести сразу воспрянувшего духом Рона.

— У других чемпионов есть сопровождающие, поэтому я иду с Гарри, — сообщает Гермиона. — А вы как, ребята?

— Н-нет, спасибо, — Невилл медленно отходит назад.

— Я останусь с Невиллом, — певуче говорит Луна. Скорее всего она совершенно не фазе с орущей приветствия толпой.

Рон раздирает на части. Гермиона замечает и легонько пинает локотком Гарри.

— Идешь, Рон? — соглашается с ней герой дня.

— Ага! — расплывается Рон в благодарной улыбке.

— Пока, народ, до встречи, — машу им рукой.

— Уильям Альберт Лернер, ты немедленно идёшь сюда! — она деловито топает ко мне и хватает меня за руку. Потом она тащит меня к Гарри, подхватывает того под руку и направляется с нами на выход. — Пошли, Рон!

— Да, мэм, — соображает, что сказать Рон. После выхода из палатки в движениях Гермионы появляется неуверенность, но тут уже Гарри берёт на себя лидерство и ведёт нас вперёд.

— Итак, Альберт, гы? — надо отвлечь её от гомона толпы.

— Недостаточно странно? — сработало моментально.

— Недостаточно. И кстати, я думал, что мы остановились на “Атпадоне”?

— Это только ты остановился, — фыркает она.

Мы оказываемся на месте, и Рон с другой стороны быстро рассказывает про систему подсчёта очков. А затем мы все вместе наблюдаем как Седрик получает 38, Флер — 39, и Крам — 40 очков. Приходит очередь Гарри.

Мадам Максим поднимает свою палочку, и вылетевшая серебряная лента принимает форму девятки. Рон свистит, а потом без необходимости объясняет, что и Флер она тоже поставила девять. Крауч даёт десять, Дамблдор и Бэгмен присоединяются к нему с той же оценкой. Теперь уже вся толпа ревет от возбуждения, а Рон уже просто прыгает на месте от восторга и потрясает метлой. Гермиона открыто плачет от счастья и вопит вместе с толпой на каждую оценку. У Гарри тоже слёзы катятся из глаз, когда, нарисовав в воздухе десятку, Дамблдор встаёт и аплодирует ему.

Интересно, что теперь будет делать Каркаров? Неужели и теперь не отпустит Гарри и заставит разделить лидерство с Крамом? Ну вот, всё так и есть. Когда вверх всплывает его единица, толпа взрывается криками возмущения. Рон в запале выдаёт целый набор эпитетов для упиванца, а Гермиона даже не пытается дать ему обычный нагоняй за сквернословие. Потому, что сама стоит с открытым ртом в полном обалдении от грубого попрания справедливости мироздания. Гарри вопросительно смотрит на меня, я пожимаю плечами и дёргаю головой назад, в сторону палатки. Он кивает, и под его лидерством мы, всё так же держась за руки, разворачиваемся и удаляемся.